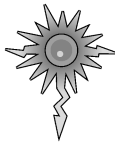

ВОИН СНОВИДЕНИЙ

Глава 1

Все предыдущие рождения проводницы

Чай будете? — поинтересовалась дородная проводница, выкладывая на полку три запечатанных пакета с бельем. И, не выдержав, снова бросила любопытный взгляд на устроившуюся в купе компанию. Эта троица заинтересовала ее еще у дверей вагона: мальчишка и две девчонки лет одиннадцати-двенадцати, усталые и помятые. По запачканной одежде и рюкзакам их легко было принять за туристов. Проводница таких много навидалась. Любители старины, после того как вдоволь набродятся по старым улочкам Каменца-Подольского, облазят башни старого Каменецкого замка, возвращаются автобусом на вокзал заурядного городка Хмельницкий, чтобы разъехаться по домам. Правда, большинство туристов предпочитают наезжать летом или ранней осенью, а не холодным слякотным ноябрем. Но, главное, проводница никогда еще не видела, чтобы в дополнение к обычным курткам и джинсам девчонки-туристки носили здоровенные, как кофейные блюдца, старинные золотые серьги с самоцветами такого размера, что дыхание перехватывало. Что камни настоящие, а сережки — подлинный антиквариат, женщина ни секунды не сомневалась. Когда всю жизнь в дороге, в чем угодно разбираться научишься. Точно так же плохо сочеталась с

рюкзаками подростков плоская сумка, в которой наверняка прятался ноутбук.

Проводница сразу насторожилась. В последнем номере любимой ею газеты «НЛО» четко сказано: надо обязательно прислушиваться к своему подсознанию! Сознание — оно по сравнению с подсознанием просто тьфу необразованное, восемь классов школы и железнодорожный техникум! А в подсознании — мудрость веков, память о предыдущих рождениях души! Предыдущих рождений у проводницы было о-го-го — ей их в специальном центре прямо на компьютере высчитали! В шкафчике у нее хранились бумаги, где черным по белому напечатано, что раньше она была царицей Савской, Жанной д'Арк и Роксоланой, турецкой султаншей украинского происхождения!

Женщина и сама считала: ей бы только вес немножко сбросить (килограммов двадцать-тридцать) — и вылитая Ольга Сумская, что играла Роксолану в сериале. Сходство с растолстевшей султаншей освещало жизненный путь работницы железной дороги неземным сиянием, которое золотой пылью опадало на пол в тамбуре. Так что если подсознание говорит, что замызганные куртки при золотых сережках — это неспроста, считай, лично Жанна д'Арк подсказывает! Отнести надо со всей серьезностью.

Прежде чем собирать билеты, проводница наскоро оббежала весь вагон с сандаловыми курительными палочками, прилагавшимися к журналу «Тайны и загадки». Брахшастрах Просветленный обещал, что от их аромата добро просветляется, а зло отвращается, чихая. А кроме того, после ритуального очищения вагона не так сильно воняло из туалета. Что окончательно укрепляло авторитет Брахшастраха.

— Чай будем, — не догадываясь о тонких душевных движениях проводницы, потрянула серьгами светловолосая девочка. Потянула носом струящиеся из коридора ароматы... и чихнула. — Ох, извините, —

девчонка чихнула еще раз, вытащила из кармана платок и сквозь него пробубнила: — Если можно, с лимоном. Три стакана.

Так-так. Чихаем, значит. Я-асненько.

Проводница мельком глянула на оставшуюся пустой четвертую полку купе и поинтересовалась:

— Одни едете? Взрослых с вами никого?

Вторая девочка, с черными, как вороново крыло, волосами, неотрывно глядевшая в проносящуюся мимо ночную тьму, густо пересыпанную огоньками деревень, звучно чихнула и отвернулась от окна. Проводница увидела ее недоуменно приподнятые брови, будто углем вычерченные на необычайно бледном лице. Под вопросительным взглядом зеленых глаз женщина вдруг почувствовала себя... невероятно глупо. Как будто она со своим вопросом не к детишкам сунулась, а сорокалетних мужиков из соседнего купе спросила — едут ли с ними взрослые?

— На каникулах в Каменце развлекались? — стараясь справиться с неожиданным замешательством, пробормотала проводница.

— Угу. Играли, — зловеще процедил забившийся в угол парнишка и тоже чихнул. Проводница с замиранием сердца увидела, как из длинного свертка в его руках вдруг блеснула сталь... Ярко-красные, будто на помаженные, губы черноволосой искривились усмешечкой настолько пакостной, что проводница поняла — она совсем не удивится, если узнает, что Каменец-Подольский разрушен до основания, и виноваты в этом трое ребятешек.

— А теперь домой? — невольно пятясь, пролепетала проводница.

— Домой, — кивнула светловолосая, и в голосе ее слышалось чувство выполненного долга.

Проводница повернулась и ринулась прочь из купе. Она пронеслась вдоль коридора, невольно прислушиваясь к доносящемуся из-за каждой двери чиху,

вбежала к себе, торопливо закрыла двери и внимательно огляделась, что-то прикидывая. Переставила никелированный чайник на другую полку, а стоящие под койкой ботинки повернула носками строго на север. Вот теперь фэн-шуй! Только после этого она вытаскала три стакана на подстаканниках, опустила в них пакетики чая и залила кипятком. Нетерпеливо поглядывая на разбухающие пакетики, принялась листать затрепанную книжицу «Гадания на пакетиках с чаем и растворимом кофе». Не понесет она этой странной троице чай, пока все не выяснит! Потому как, кажется, уже не одна Роксолана, но и царица Савская, и Жанна, и даже шаманка племени Зо-йо-опа, которой проводница была в своем первом рождении, в один голос вопили: по сравнению с тем, что может учинить в ее вагоне эта троица, даже крушение покажется безобидной шуткой.

Глава 2

Главный приз — билет домой

— Похоже, мы ее напугали, — задумчиво сказала Танька.

— Неудивительно, — буркнул Богдан, вытаскивая из целлофановых пакетов свой меч и с придиричивым прищуром изучая клинок. — Мне и самому на вас глядеть страшно. Особенно на Ирку.

— Ни у одной девчонки нет таких проблем с внешностью, как у меня! — выхватив из рюкзака карманное зеркальце, Ирка впилась глазами в свое отражение. — То собачья голова вылезает, то вампирская бледность никак не сойдет!

— Зато тебе худеть не надо, — вздохнула Танька. — И ноги у тебя длинные — хоть в человечесем, хоть в собачьем облике.

— А какой у нее в вампирском облике маникюр был — закачаешься! — закатил глаза Богдан. — Когтищи длинненькие, кривенькие...

— Не слушай его! — торопливо перебила Богдана Танька. — Это он все еще злится, что мы ему не дали коня в поезд затащить!

— С конем нас бы проводница еще на перроне завернула, — задумчиво сказала Ирка. Поглядела на насупившегося Богдана и миролюбиво предложила: — Хочешь, ноутбук забирай. Нам с Танькой и так серьги бабушки Сирануш достались...

— Есть у него дома компьютер! — немедленно вмешалась Танька. — А у тебя нет, так что это тебе! Богдану мобилку — у него совсем старая, дешевая, а эта, между прочим, такая навороченная, что не каждый крутой себе купит! Электронная почта, выход в Интернет, Word, что угодно! Она сама как компьютер! — Танька вытащила из сумки запечатанную картонную коробочку с действительно крутым мобильником — одним из трех призов, выигранных на колдовском квесте в Каменце. Игра, которая должна была стать грандиозным развлечением в каникулы, но из-за ненавидящей всех детей психованной Бабы Яги чуть не привела к гибели.

— А тебе что останется — диск с песнями райской птички Алконост? — покачал головой Богдан.

— Зато полный эксклюзив — ни у кого такого нет! Ну еще и серьги, конечно... — Танька потеряла старинную серьгу так, чтобы украшающие ее сапфиры заискрились. — Нет, правда, ребята! Ноутбук и телефон мне родители подарили... — Танькины глаза затуманились, и на губах у нее появилась совершенно дурацкая радостная улыбка.

Ирка горестно вздохнула и снова уставилась в окно. Друзья счастливы. Конечно, если долгие три дня прожить с твердой уверенностью, что твоя семья потеряна навсегда, что ни твоих мамы, ни папы больше

нет — одно упоминание о родителях вызывает восторг. Ирка знала, почему ребята норовят всучить ей самую дорогую вещь. Потому что главный приз этого квеста — возвращение к маме и папе, которые тебя любят и ждут — ей не достанется. После сражений с вампирами, гайдамаками, инквизицией, ведьмами, ягишинями-воительницами и поп-группой «Манатра» ей не к кому возвращаться. Разве что к бабке, да и то Ирка не уверена, что та вообще заметила отсутствие внучки. Вот если бы огород надо было полоть, тогда да! А так... Ирка вздохнула и тут же ощутила, что за спиной у нее царит неловкое молчание.

Танька не поднимала глаз от вытащенной из пакета наволочки, как будто это невесть какое диво, требующее тщательного изучения. Богдан, держа меч на вытянутой руке, столь же внимательно разглядывал клинок, словно отыскивая невидимые царапины. Оба старались на Ирку не смотреть. Друзья отлично все поняли. Ирка мгновенно стало стыдно. Завидовать — свинство. Портить другим радость — свинство вдвойне. Она уже открыла рот, чтобы сказать что-нибудь такое... веселое... знать бы только, что... Как тут дверь купе отъехала в сторону... и внутрь протиснулась проводница.

Вибрирующей стальной полосой меч Богдана замер в волоске от ее носа. Проводница застыла в дверях, будто щит поднимая стаканы с чаем.

— Я вот... чаек принесла! — пролепетала она.

— А... э... спасибо... на стол поставьте, пожалуйста! — ответила Танька.

Не отрывая взгляд от меча, проводница изогнулась, чтобы не коснуться застывшего с клинком в руке Богдана, протиснулась к столику, поставила чай, еще раз огляделась, со странным удовлетворением в голосе выпалила:

— Я так и знала! — и наладилась к выходу, оставляя за собой приторный аромат сандала.

— Она увидела пассажира с мечом и сошла с ума? — изо всех сил стараясь не чихать, пробормотала Танька.

— Я тут ни при чем! — торопливо откладывая меч на нижнюю полку, отперся Богдан. — Она такая уже была! Вы сюда посмотрите!

Девчонки уставились на стаканы. Плавающие в них дольки лимона были порезаны не кружочками и даже не полукружиями. Их просто разодрали, и, кажется, зубами! Чай оказался угольно-черного цвета, а сами пакетики были безжалостно вспороты, словно тушки мелких зверьков. В стаканах плавали чайники и обрывки бумаги.

— Чайная маньячка, — заключил Богдан. — Замаживает и потрошит наивные беззащитные пакетики!

— И холодный вдобавок, — берясь за стакан, добавила Ирка. — Вы как хотите, а я это пить не буду. Спать лягу. Устала, как собака!

— То есть как тебе и положено! — усмехнулся Богдан, тоже отодвигая свой чай подальше.

Ирка зашуршала пакетом, вытащила простыню:

— Я на верхней полке!

— И я! — немедленно подхватила Танька.

— Чего это? — возмущился Богдан. — Как забираться будешь?

— К твоему сведению, я могу просто взлететь...

— ...залезть-то все равно не получится — задница слишком тяжелая! — злорадно поддел Таньку Богдан и, ставя точку в споре, подтянулся, брыкнул ногами... Мгновение его пятки еще дрыгались в проеме... и утянулись на верхнюю полку. Вслед белой змеей уползла простыня.

Ирка мученически возвела глаза к пластиковому потолку — неисправимы, оба!

— Давай я лягу на нижнюю...

— Сердечно благодарю, но не стоит! — тоном оскорбленной графини обронила Танька. — Буду мучиться на нижней, и пусть ему будет стыдно!

— Ему — пусть! — немедленно согласились сверху, и через край полки свесилась нагло скалящаяся рожа Богдана. — А кто он? — с показной наивностью округлив глаза, поинтересовался мальчишка.

Ирка покосилась осуждающе — все-таки что-то от таборного рома Богданки в нем осталось. Интересно, это пройдет или сохранится, как Иркина вампирская бледность или прорывающиеся порой у Таньки аристократические манеры?

Ирка заправила простыню под комковатый матрас и с блаженным вздохом рухнула на прикрытую влажной наволочкой подушку. Какой кайф! После трех безумных дней наконец добраться до постели, пусть она пока всего лишь в поезде... блаженство! Завтра... завтра они приедут в город, и на все оставшиеся дни каникул Ирка завалится на диван перед телевизором... и не то что колдовские силы — родная бабка ее с места не сдвинет! Полка под ней качалась туда-сюда, колеса постукивали, девочка чувствовала, как проваливается в сон. С соседней полки уже слышалось мерное посапывание Богдана — мальчишка уснул, даже не успев натянуть на себя одеяло.

— Гашу свет! — раздалось внизу сонное бормотание Таньки, но Ирка этого уже не слышала — она спала.

Глава 3

Полеты во сне и под музыку

Богдан резко сел на полке, вытаращившись в темноту. Сердце колотилось, как бешеное, во рту было сухо, точно он не пил неделю. Вокруг темнота — лишь время от времени мрак озарялся длинным росчерком